

Анатолий Шигапов

**СВЕТЛЫЙ МАЙК
И ТАЙНА
ЗАПУТАННОГО
ВРЕМЕНИ 9.0.**

Светлый Майк

Анатолий Шигапов

**СВЕТЛЫЙ МАЙК И ТАЙНА
ЗАПУТАННОГО ВРЕМЕНИ 9.0.**

«Автор»

2026

Шигапов А.

СВЕТЛЫЙ МАЙК И ТАЙНА ЗАПУТАННОГО ВРЕМЕНИ 9.0. /
А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Светлый Майк)

Сиреневый сигнал кофеварки - это всегда плохие новости. Но когда у Павлика исчезают воспоминания о динозаврах, Громов вдруг молодеет и перестаёт ворчать (что страшнее любого апокалипсиса), а бабушка забывает рецепт пирожков - это уже катастрофа. Кто-то стирает историю семьи Светловых, и у них есть всего 24 часа, чтобы всё исправить. Новое путешествие во времени забрасывает их в собственное прошлое. Маленький Майк, спорящий из-за балалайки Павлик, юные родители на первом свидании, молодые бабушка с дедом и его вечно взрывающаяся лаборатория - и везде появляется загадочный Корректор, пытающийся изменить судьбоносные моменты. А когда к ним присоединяется молодой лейтенант Громов, который не умеет ворчать и пытается всех арестовать, хаос достигает предела. Можно ли спасти свою историю, не нарушив временной континуум? И что делать, если встретил самого себя в прошлом и тот просит пирожок? -

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

СВЕТЛЫЙ МАЙК И ТАЙНА ЗАПУТАННОГО ВРЕМЕНИ 9.0.

Книга девятая:

СВЕТЛОВЫ И ТАЙНА ЗАПУТАННОГО ВРЕМЕНИ

или Как мы чуть не стерли себя из прошлого, встретили молодого Громова и накормили динозавров пирожками во второй раз

«Говорят, время лечит. Врут. Время – это самый коварный враг и самый лучший друг одновременно. Оно может стереть воспоминания, состарить героев и даже заставить Громова перестать ворчать. Но есть вещи, которые время не властно: бабушкины пирожки, семейный уют и наше умение влипать в истории независимо от эпохи. Девятая книга – о том, как мы чуть не потеряли себя, встретили себя и в конце концов нашли себя. В прямом и переносном смысле.»

Посвящается

Вам, дорогие читатели

Вы держите в руках девятую книгу о приключениях Светловых. Девятую! Когда я писал первую, мне казалось, что это будет маленькая забавная история на один вечер. А теперь у нас девять томов, и каждый толще предыдущего. Как бабушкины пирожки, которые никак не кончаются.

Спасибо вам за то, что вы есть. За то, что пишете письма, в которых говорите: «А когда продолжение?» За то, что ругаете меня за ошибки (и тем самым помогаете их исправлять). За то, что смеётесь там, где я пытался шутить, и плачете там, где я пытался быть серьёзным. Вы – наша движущая сила. Без вас Светловы были бы просто набором букв на бумаге. А с вами они живут, дышат, едят пирожки и влипают в истории.

Другим авторам

Тем, кто тоже пишет, кто мучается бессонницей, кто правит по сто раз одну главу и всё равно не доволен. Тем, кто знает, что такое «творческий кризис» и как трудно из него выбираться. Тем, кто делится своими историями и вдохновляет других. Вы – мои коллеги, мои соратники, мои друзья по несчастью (потому что писательство – это счастье и несчастье одновременно). Спасибо вам за ваши книги, за ваши миры, за ваших героев. Мы все вместе делаем этот мир чуточку добрее и интереснее.

Особенное спасибо тем авторам, чьи книги я зачитывал до дыр в детстве и чьи герои стали для меня примером. Без вас не было бы Светловых. Вы знаете, кто вы.

Историкам

Тем, кто изучает прошлое и помогает нам не забывать, откуда мы пришли. В этой книге мы много путешествовали во времени и поняли, как важно помнить каждый миг. Спасибо вам за то, что сохраняете память для будущих поколений. Даже если в ваших архивах нет записей о том, как Громов в молодости чуть не подорвал военную базу – поверьте, это чистая правда. Просто документы засекречены.

Издателям

Тем безумцам, которые соглашаются печатать эти книги, несмотря на то, что я постоянно срываю сроки, добавляю новые главы в последний момент и меняю концовки после того, как вёрстка уже готова. Спасибо за терпение, за веру в Светловых и за то, что не выгоняете меня из издательства с криками «Только не ещё одна глава!».

Особое спасибо моему редактору, который правит мои тексты и делает вид, что не замечает, как я вставляю одни и те же шутки про пирожки в каждую главу. Ты герой. Ты святой. Ты заслуживаешь отдельного тома благодарностей.

Семье

Моей маме и папе, которые до сих пор не верят, что я стал писателем, но гордятся мной. Моей бабушке, которая действительно печёт лучшие пирожки в мире и не обижается, когда я описываю её в книгах. Моему деду, который вечно что-то чинит и вдохновляет меня на создание безумных изобретений. Моей, которая терпит мои ночные бдения и не выгоняет меня из дома, когда я вскакиваю в три часа ночи с криком «Эврика!».

Друзьям

Анвару, Артему, Динару и всем остальным..., друзья вас так много, а каждая напечатанная страница увеличивает объем и стоимость книги, простите – вы читаете мои черновики и делаете вид, что вам нравится, даже когда я приношу вам очередную главу в два часа ночи. Ваши советы, ваша критика, ваша поддержка – всё это помогает мне двигаться дальше. Без вас я бы давно бросил это дело.

И всем остальным – тем, кто звонит среди ночи, чтобы спросить, как дела, тем, кто приносит пирожки, когда у меня дедлайн, тем, кто верит в меня даже тогда, когда я сам в себя не верю. Вы – моя опора. Спасибо.

Коллегам

Тем, с кем я делю не только офис, но и мысли, идеи, сомнения. Тем, кто подбадривает меня в трудные минуты и не даёт опускать руки. Тем, кто терпит мои бесконечные рассказы о Светловых и даже делает вид, что им интересно. Спасибо вам за ваше терпение, за ваши улыбки, за то, что вы есть. Работать с вами – одно удовольствие. Даже когда аврал, даже когда дедлайн, даже когда кофеварка ломается.

Тем, кого нет с нами

Вы ушли, но каждый раз, когда я пишу новую главу, вы рядом. Ваши голоса звучат в моей памяти, ваши советы помогают принимать решения, ваша любовь согревает даже в самые холодные ночи. Эта книга – и для вас тоже. Я знаю, вы бы гордились. И знаю, что там, где вы сейчас, тоже есть пирожки. Наверное, с капустой. Вы их всегда любили.

России

Стране, где родились Светловы, где пекут самые вкусные пирожки, где даже обычное утро может обернуться космическим приключением. Спасибо тебе за твои бескрайние просторы, за твою историю, за твоих людей – удивительных, терпеливых, смешных, героических. За то, что даже в самые тёмные времена мы не теряем надежды и веры в лучшее. Потому что мы – часть тебя. А ты – часть нас.

Читателям из будущего

Если вы читаете эту книгу через сто, тысячу или миллион лет – знайте, что мы здесь, в двадцать первом веке, тоже любили пирожки, смеялись над Громовым и верили, что семья – это главное. Надеюсь, у вас там тоже есть пирожки. И если вы встретите путешественников во времени, передайте привет Светловым. Они обязательно к вам заглянут.

И конечно, самим Светловым

Майку, Павлику, Ане, бабушке Зине, деду Игнату, Громову (обоим), Чиху, Светику, Саксонии, Полозову, Жуже, дяде Васе, Созидателям и всем-всем-всем. Вы живёте в моей голове уже много лет, и я надеюсь, что не выселитесь оттуда никогда. Хотя иногда там становится тесно. Спасибо, что не даёте мне скучать.

Дорогой читатель!

Если ты держишь эту книгу в руках (или смотришь на экран, или слушаешь аудиовersion, пока твой звездолёт снова завис в пробке на прием к Императору – привет, космические

дальнобойщики, я знаю, что вы читаете!), значит, ты снова с нами. Или впервые – тогда двойной привет и добро пожаловать в наш бедлам, у нас тут пирожки, временные парадоксы, вечно мигающая кофеварка и полное отсутствие здравого смысла. Зато есть два Громова. Один ворчит, второй учится.

Знаешь, когда я заканчивал восьмую книгу, я думал: «Ну всё, теперь можно отдохнуть». Я даже размечтался: буду ложиться спать в полночь, читать книги, гулять с собакой, может быть, даже научусь печь пирожки без бабушкиной помощи. Наивный. Через неделю после того, как я поставил точку в восьмой книге, кофеварка замигала сиреневым. Сиреневым, Карл! Я сначала подумал, что это режим «ночник». А оказалось – сигнал бедствия из временного тоннеля.

И понеслось.

Я хотел написать спокойную книгу о том, как Светловы отдыхают после музыкального фестиваля. Спойлер: не вышло. У них Громов помолодел и перестал ворчать (что было самым страшным), у Павлика исчезли воспоминания о динозаврах, а бабушка... бабушка забыла рецепт пирожков. Вот тогда я понял: время сошло с ума. И чинить его придётся мне. Снова.

– Павлик, – спросил я как-то у главного героя (он теперь заходит ко мне в гости без приглашения, считает, что имеет право), – а вы не могли бы хоть раз обойтись без угрозы исчезновения из реальности?

– А что такое реальность? – удивился он. – Мы просто живём. А время иногда идёт вспять. Это не мы, это Корректор.

– Какой ещё Корректор?

– А ты книгу напиши – узнаешь.

И я написал. Потому что если не напишу, они меня совсем замучают.

Эта книга родилась из простого вопроса: «А что, если кто-то решит подчистить историю Светловых, чтобы сделать вселенную более «правильной»?» Спойлер: этот кто-то очень пожалел о своём решении. Потому что правильных Светловых не бывает. Бывают только Светловы. И точка.

Мы снова побывали в прошлом, настоящем и будущем. Встретили себя маленьких, себя молодых и себя старых. Чуть не стёрли себя из реальности (классика жанра). Подружились с Корректором времени (он теперь ест пирожки на нашей кухне). И привезли домой молодого Громова, который теперь учится ворчать у старого. Представляете? Два Громова на одной кухне. Бабушка сказала: «Если они начнут ворчать дуэтом, я уйду в монастырь». Но пока держится.

Я хочу предупредить сразу: если ты после прочтения этой книги начнёшь путать года, вспоминать события, которых не было, или увидишь двух Громовых у себя на кухне – это нормально. Это временное искажение. Лечится пирожками и крепким сном. Но если ты вдруг решишь открыть портал в прошлое, чтобы исправить свою двойку по алгебре – пожалуйста, не надо. Временные парадоксы – штука опасная. И бабушка очень расстроится, если ей придётся снова вас спасать.

Я хочу поблагодарить тебя, дорогой читатель. Да, именно тебя, кто сейчас держит эту книгу. Ты – главная причина, по которой я пишу. Без тебя эти истории были бы просто набором букв, пылящимся в столе. А с тобой они оживают. Ты смеёшься там, где я пытался шутить, грустишь там, где я пытался быть серьёзным, и с нетерпением ждёшь продолжения. И я пишу. Пишу, потому что знаю: ты ждёшь.

Спасибо тебе за каждое письмо, за каждый комментарий, за каждый лайк и репост. Спасибо, что рекомендуешь книги друзьям (даже если они потом говорят, что ты сошёл с ума). Спасибо, что веришь в Светловых так же, как верю в них я.

Спасибо моей семье. Бабушке, которая терпит, что я описываю её в книгах, и каждый раз говорит: «Ты бы хоть имя изменил, а то соседи узнают». Дед уже не удивляется, когда я

спрашиваю, можно ли подключить кофеварку к системе отопления. Мама и папа гордятся, хотя до сих пор не уверены, что это нормально – писать книги про семью, которая путешествует во времени. Жена... жена спит в берушах и надеется, что когда-нибудь я научусь спать по ночам.

Спасибо моим друзьям, которые читают мои черновики и делают вид, что им нравится, даже когда я приношу им очередную главу в два часа ночи. Серёга, Ленка, Толик – вы настоящие герои. Ваши советы, ваша критика, ваша поддержка – всё это помогает мне двигаться дальше.

Спасибо Чиху – моему коту, который стал прототипом книжного Чиха. Он действительно читает книги? Нет, конечно. Но он любит сидеть на подоконнике и чихать на прохожих. И это почти одно и то же.

Спасибо кофеварке. Да, той самой, что стоит у меня на кухне. Она действительно иногда играет джаз. Или мне кажется. Но в любом случае, спасибо за вдохновение.

Спасибо Громову – старому и молодому. За то, что ворчат и не дают расслабиться.

Спасибо Корректору времени – теперь он член семьи и ест пирожки наравне со всеми.

И спасибо тебе, читатель. Ещё раз. Потому что одного раза мало.

– Эй, автор! – кричит Павлик из кухни. – Ты идёшь чай пить? Пирожки остывают!

– Иду, Павлик! – кричу я в ответ.

– И блокнот захвати! – добавляет Полозов. – Я тут новый материал придумал для десятой книги! Там будет такое... такое...

– Что? – настораживаюсь я.

– Параллельные вселенные! И там живут наши двойники! Только они злые!

– Полозов, у нас уже были двойники. В седьмой книге.

– А эти – злые! И у них есть армия!

– Армия?

– Ну да. И они хотят захватить нашу вселенную!

Я вздыхаю. Похоже, десятая книга будет весёлой.

– И кофе! – кричит дед. – Кофеварка сварила отличный кофе! Говорит, по новому рецепту, с добавлением энергии из параллельного мира!

– А она не откроет портал в ад? – осторожно спрашиваю я.

– Не должна! – бодро отвечает дед. – Надеюсь!

– И пирожков захвати! – это уже бабушка. – Корректор опять пришёл. Говорит, что без наших пирожков его временная линия искажается.

– Ну, если без пирожков искажается временная линия – это серьёзный аргумент, – соглашаюсь я.

Я забегаю на кухню. Там уже собрались все: Павлик с балалайкой, Аня с дневником, Громов-старый на балконе (ворчит), Громов-молодой рядом с ним (учится), Светик и Саксония светятся дуэтом, Чих читает книгу «Временные парадоксы для начинающих», дед возится с кофеваркой, бабушка разливает чай. На подоконнике сидит Корректор, теперь уже почти материальный, и с аппетитом уплетает пирожок с капустой.

– Вкусно, – говорит он. – У вас всегда вкусно. У себя во временном тоннеле я такого не пробовал.

– А что ты там пробовал? – спрашивает Павлик.

– Временную пыль. Энергетические сгустки. Хроно-коктейли. Но это не то. Там нет души.

– Потому что там нет бабушки, – улыбается Аня.

Я сажусь за стол. Беру пирожок. Смотрю на эту безумную, шумную, невероятную семью.

– Знаете, – говорю я. – А ведь мы справились. Снова.

– Справились, – кивает Павлик.

– И даже нового друга завели, – добавляет Аня, глядя на Корректора.

– И старого вернули, – кивает на Громова.
– И себя не потеряли, – улыбается бабушка.
– И время починили, – добавляет Корректор. – В основном, конечно.
Кофеварка на столе мигает золотистым и играет «Калинку-малинку».
– Она довольна, – улыбается Светик.
– Или зовёт в новое путешествие, – проворчал Громов-старый с балкона.
– Посмотрим, – говорю я. – Но не сегодня.
За окном садится солнце. Пахнет пирожками. Жизнь прекрасна.
До встречи в десятой книге. Там будут параллельные вселенные, злые двойники и, возможно, армия роботов. Но Светловы справятся. Они всегда справляются.
Даже когда время идёт вспять.
Даже когда Громовых двое.
Даже когда Корректор пытается навести порядок.
Потому что главное – не время.
Главное – те, кто рядом.
И пирожки.
Пирожки обязательно.

С любовью и пирожками,

вечно попадающий в истории, вечно не высыпавшийся, но теперь ещё и путающийся, в каком годе у него завтрак.

Анатолий Шигапов

P.S. Если ты вдруг встретишь на страницах этой книги временные парадоксы – не удивляйся. Это не ошибки, это авторский замысел. Если встретишь двух Громовых – не пугайся. Они оба свои. Если встретишь Корректора времени – угости его пирожком. Он подбодрит.

P.P.S. Кофеварка всё ещё мигает. Я уже привык. И даже не спрашиваю, что это значит. Но, кажется, она намекает на что-то грандиозное. Или просто хочет кофе.

P.P.P.S. Громов-молодой только что сказал, что начинает понимать, почему старый Громов так много ворчит. «Потому что за вами нужен глаз да глаз», – сказал он и улыбнулся. Кажется, процесс пошёл. Теперь у нас два ворчуна. Бабушка в ужасе. Но пирожки печёт по-прежнему.

P.P.P.P.S. Корректор попросил добавки. Бабушка дала ему ещё пять пирожков. Он сказал, что теперь понимает, почему мы так любим время проводить на кухне. «Это лучшее место во вселенной», – сказал он. И мы с ним согласны. Даже если во вселенной есть параллельные миры.

P.P.P.P.P.S. И последнее. Самое главное. Если ты вдруг почувствуешь, что время пошло не так, что прошлое путается с настоящим, а будущее кажется туманным – просто вспомни про Светловых. Они на кухне. Бабушка печёт пирожки. Громов ворчит. Чих чихает от счастья. Корректор времени пытается навести порядок, но сдаётся и тоже берёт пирожок. И всё хорошо.

Добро пожаловать домой, читатель.

Мы тебя ждали.

Автор: вечно попадающий в истории, вечно не высыпавшийся, но теперь ещё и путающийся, в каком годе у него завтрак.

Пролог. Сиреневый туман

(или Как мы поняли, что время – штука ненадежная)

«Есть в нашей семье правило: если кофеварка замигала сиреневым – жди беды со временем. В прошлый раз мы отмахнулись, решили, что нам показалось. И зря. Через месяц у Павлика исчезли все воспоминания о динозаврах, Громов вдруг помолодел и перестал ворчать (что было самым страшным), а бабушка... бабушка забыла рецепт пирожков. Вот тогда мы поняли: время сошло с ума. И чинить его придется нам. Снова.»

Прошёл месяц после грандиозного музыкального фестиваля в галактике Ладога. Гости разъехались по своим планетам, обещав вернуться. На кухне у Светловых снова воцарилась та особенная, уютная атмосфера мирного бытия, когда никто не стреляет, порталы не открываются, а единственная проблема – кто съел последний пирожок.

Балалайка-самогудка мирно висела на стене, изредка наигрывая что-то народное. Губная гармошка Громова лежала на подоконнике и иногда сама по себе издавала грустные звуки, напоминая о блюзовых вечерах. Светик и Саксония сидели на балконе, любясь закатом и переливаясь нежно-розовым и золотистым. Жизнь налаживалась.

– Знаете, – сказал как-то Павлик за завтраком, с аппетитом уплетая пирожок с капустой, – мне тут сон странный приснился. Будто мы в меловом периоде, но Зубастик нас не узнает и пытается съесть. А я ему кричу: «Зубастик, это же мы, Светловы!» А он только рычит и хвостом машет.

– Приснится же такое, – улыбнулась Аня, записывая что-то в дневник. – Наверное, по динозаврам соскучился.

– А мне приснилось, что я молодой и безусый, – проворчал Громов, наливая себе чай. – Кошмар. Представляете? Никакого жизненного опыта, никаких морщин, даже ворчать не хочется. Жуть.

Все засмеялись, но Чих, сидевший на подоконнике с книгой «Теория относительности для начинающих», вдруг насторожился. Его шерсть слегка поднялась дыбом, усы затряслись.

– А вы заметили, – тихо сказал он, откладывая книгу, – что кофеварка мигает особенно настойчиво? И цвет какой-то... нехороший.

Все посмотрели на кофеварку. Она стояла на столе, мирно попухивая паром, и пульсировала ровным, сиреневым светом. Ритм был тревожным, каким-то неровным, словно сердце перед инфарктом.

– И давно? – спросил я, чувствуя, как внутри зашевелилось знакомое нехорошее предчувствие.

– С утра, – ответил дед, ковыряясь в кофеварке отвёрткой. – Я думал, это режим «утреннего кофе» с подогревом кружек. А она, похоже, что-то сказать хочет. Но не говорит, только мигает.

– Может, ей просто грустно? – предположил Светик, подходя к кофеварке. – Я тоже иногда мигаю, когда мне грустно.

– Светик, ты когда грустишь, светишься синим, – напомнила Саксония, играя короткую меланхоличную мелодию.

– А это сиреневый, – задумался Светик. – Сиреневый – это тревога. Я помню, когда был программой, мы использовали сиреневый для критических ошибок.

Светик подошёл к кофеварке и положил на неё лапку. Он замер, прислушиваясь, и его свечение начало меняться – от спокойного золотистого к тревожному фиолетовому.

– Там... там что-то не так с вами, – сказал он, глядя на нас растерянно. – С вами всеми. С вашим прошлым. Кто-то его меняет. Я чувствую... разрывы. Как будто нитки, из которых соткана ваша история, кто-то перерезает.

– В смысле, меняет? – не понял Павлик. – Как можно изменить прошлое?

– Очень просто, – вмешался Чих. – Если у тебя есть доступ к временному континууму и ты не боишься последствий. Я за миллион лет видел такое однажды. Одна цивилизация решила

исправить свои ошибки, вернувшись в прошлое. Они так запутали временные линии, что в итоге исчезли сами. Осталась только пустота.

– Утешил, – проворчал Громов. – Прямо захотелось в путешествие во времени.

В этот момент Аня, листавшая свой дневник в поисках записей о фестивале, вдруг побледнела так, что даже веснушки на носу стали незаметны.

– Майк, – прошептала она, протягивая мне дневник дрожащей рукой. – Здесь ничего нет.

– В смысле? – я взял дневник и начал листать страницы. – А где записи про музыкальный фестиваль? Про рокеров, про поп-звёзд, про то, как Громов танцевал?

– Я же всё записывала, – голос Ани дрожал. – Каждый день, каждую мелочь. А здесь... здесь чистые листы. Смотри.

Она показала мне страницы, которые, по идее, должны были быть исписаны её аккуратным почерком. Но они были девственно чисты, будто их только что купили в магазине.

Я похолодел. Я попытался вспомнить Зубастика, серых, неандертальца Угха, их пещеры, их смешные обычаи. В голове была какая-то пустота, словно этих воспоминаний никогда и не было. Смазанные образы, тени, но не более.

– Я... я тоже не помню, – растерянно сказал Павлик, хватаясь за голову. – Я помню, что нам было весело, но где? С кем? Всё как в тумане.

– Двадцать лет службы, – вдруг сказал Громов странным, молодым, звонким голосом, который мы никогда раньше не слышали. – А где я служил? Не помню... И кто вы, собственно, такие?

Мы обернулись и обомлели. Громов сидел за столом, но это был не наш ворчливый старый спецгент с морщинами, седыми усами и вечно недовольным выражением лица. Перед нами сидел молодой человек лет двадцати пяти, подтянутый, с чисто выбритым лицом, ясными глазами и бластером на поясе. Он смотрел на нас с недоумением и лёгкой подозрительностью.

– Громов? – только и смог выдохнуть я.

– Лейтенант Громов, – поправил он, вставая и принимая стойку. – Спецотдел галактической безопасности. А вы кто? И почему я у вас на кухне? И что это за... – он покосился на Светика, – светящееся существо?

– Громов, это мы, – попыталась объяснить Аня. – Светловы. Майк, Павлик, я – Аня. Ты с нами уже много лет.

– Ничего не помню, – нахмурился молодой Громов. – Последнее, что я помню, – это задание на астероиде К-17. А потом... пустота. И вдруг я здесь. Это похищение? – он положил руку на бластер.

– Громов, не стреляй, – взмолился Павлик. – Это мы, твоя семья!

– Семья? – удивился лейтенант. – У меня нет семьи. Я одинокий волк. Двадцать лет службы...

– Ты всегда это говоришь, – улыбнулась сквозь слёзы бабушка. – Даже когда постарел. Только тогда ты говорил это с ворчанием.

Сиреневое свечение кофеварки вспыхнуло с невероятной силой, заливая всю кухню призрачным светом. На экранчике высветились слова, которые Чих прочитал дрожащим голосом:

«ВНИМАНИЕ! ФИКСИРУЕТСЯ КРИТИЧЕСКОЕ ИСКРИВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ. ИСТОЧНИК: НЕИЗВЕСТНЫЙ. УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: МАКСИМАЛЬНЫЙ. ЕСЛИ НЕ ВМЕШАТЬСЯ, ВСЕ ВЫ ПЕРЕСТАНЕТЕ СУЩЕСТВОВАТЬ ЧЕРЕЗ 24 ЧАСА».

– Двадцать четыре часа? – переспросил Павлик. – Это много или мало?

– Для вечности – мало, – ответил Чих. – Для нас – катастрофа.

– Опять, – вздохнула бабушка, вставая и поправляя фартук. Она единственная, казалось, сохраняла полное спокойствие, будто каждый день сталкивалась с угрозой исчезновения из реальности. – Майк, собирайся. Похоже, нам снова придется спасать вселенную. И на этот раз – самих себя.

– Но куда мы полетим? – спросил я, глядя на молодого, ничего не понимающего лейтенанта Громова, который всё ещё держал руку на бластере и подозрительно косился на Светика.

Светик, не отрываясь от кофеварки, ответил глухим голосом:

– В ваше прошлое. В вашу историю. Похоже, нам придется проследить всю жизнь Светловых, чтобы понять, где и когда время пошло трещинами. Найти точки бифуркации – моменты, которые кто-то пытается изменить.

– В наше прошлое? – Павлик оживился, забыв о страхе. – Мы увидим маму и папу молодыми? А дедушку, когда он ещё не чинил кофеварку? А бабушку...

– Я всегда была легендой, – прервала его бабушка. – Даже в молодости. Так что не удивляйтесь. Так, внуки, не время лясы точить. Пирожки я взяла, половник при мне, кофеварка с нами. Громов... ну, этот Громов тоже с нами, хоть и молодой. Остальные как?

– Я с вами, – сказал Чих, закрывая книгу. – Без меня вы там такого натворите, что потом миллион лет разгребать.

– Я тоже, – засветился Светик. – И Саксония с нами.

Саксония кивнула и сыграла боевой марш на саксофоне.

– А я? – спросил молодой Громов. – Я вообще не понимаю, что происходит. Но если есть угроза – я должен её устранить.

– Вот и отлично, – улыбнулся я. – Добро пожаловать в семью, лейтенант. Придётся тебе поверить в невероятное.

Из кофеварки вырвался луч сиреневого света, и прямо посреди кухни закрутилась воронка времени. Она была огромной, пульсирующей, и из неё доносились странные звуки – обрывки разговоров, смех, плач, шум динозавров, звуки музыки. Всё это смешивалось в невообразимую какофонию. Пахло озоном, пылью веков и почему-то бабушкиными пирожками – тем самым запахом, который был якорем реальности для всей семьи.

– Ну что, Светловы, – сказал я, оглядывая свою разношёрстную команду, в которой теперь был и молодой, ничего не понимающий лейтенант Громов. – Спасём своё прошлое, чтобы у нас было будущее?

– Спасём! – хором ответили все.

И даже молодой Громов кивнул, видимо, решив, что раз это связано с опасностью и долгом, он просто обязан участвовать.

Мы шагнули в сиреневую воронку.

Впереди была наша собственная история. Наши родители, наши детские годы, наша юность. И страшная тайна, которую нам предстояло раскрыть, чтобы не исчезнуть навсегда.

Но это уже совсем другая история.

Глава 1. Первый прыжок: детство

(или Как мы чуть не помешали собственному рождению)

Эпиграф к главе:

«Путешествие во времени – штука опасная. Особенно когда ты попадаешь в собственное детство и видишь себя маленького, ковыряющего в носу и не подозревающего, что через много лет ты будешь спасать вселенную. И главное – ничего не трогать, ни с кем не разговаривать и не давать себе маленькому пирожок, потому что это может изменить будущее. Но у Светловых, как всегда, всё пошло не по плану.»

– Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

Воронка выплюнула нас в месте, которое было до боли знакомым. Мы стояли посреди обычного московского двора, с качелями, песочницей и старыми тополями. Солнце светило ярко, где-то лаяла собака, и пахло... пахло детством.

– Это же наш двор! – воскликнул Павлик. – Где мы выросли!

- Тише ты, – шикнула Аня. – Нас увидят.
- Кто нас увидит? – удивился я, но тут же понял.

Из подъезда выбежал маленький мальчик лет пяти с балалайкой в руках. Он был смешной, чумазый, с оттопыренными ушами и торчащими в разные стороны волосами. За ним выбежала девочка постарше, с косичками и в очках, и закричала:

- Павлик, отдай балалайку! Это моя!
- Не отдам! – заорал мальчик. – Я буду на ней играть! Я звездой стану!
- Ты даже нот не знаешь!
- А мне ноты не нужны! Я по слуху!

Мы смотрели на это, раскрыв рты. Это были мы. Маленькие Павлик, Аня и... где-то должен быть я. И действительно, из подъезда вышел мальчик постарше, с серьёзным лицом и книгой в руках.

– Павлик, отдай балалайку, – сказал он спокойно. – Аня, не кричи. Мама пирожки испекла, идите есть.

- Ура! – заорал Павлик-маленький и, бросив балалайку, побежал в подъезд.
- Вот это да, – прошептал наш Павлик. – Я был таким... маленьким.
- И глупым, – добавила Аня. – Балалайку чуть не сломал.
- А ты была занудой, – парировал Павлик. – В очках и с косичками.
- Тихо вы, – одёрнул я. – Нас заметят.

Но было поздно. Аня-маленькая, задержавшись, чтобы поднять балалайку, вдруг подняла голову и уставилась прямо на нас. Её глаза расширились.

– Вы кто? – спросила она. – Вы похожи на... на меня. И на Майка. И на Павлика. Только старые.

– Мы не старые, – обиделся Павлик. – Мы... другие.

– Вы из будущего? – спросила Аня-маленькая, и в её глазах загорелся тот самый огонёк любопытства, который мы так хорошо знали. – Я читала про путешествия во времени. Это вы?

– Эээ... – замялся я. – Понимаешь, это сложно объяснить...

– Вы пришли спасти мир? – продолжала допытываться девочка. – А можно я с вами? Я буду записывать всё в дневник! У меня есть дневник!

– Аня, у тебя всегда был дневник, – улыбнулась наша Аня.

– Правда? – обрадовалась маленькая Аня. – Я так и знала, что это важно! Ну что, берёте?

– Нет, – твёрдо сказал я. – Ты должна остаться здесь. Иначе будущее изменится. Ты должна вырасти, стать нами, записать все наши приключения и...

– И стать крутой? – перебила маленькая Аня.

– И стать крутой, – согласился я.

– Ладно, – вздохнула она. – Но вы потом расскажете? Хотя бы во сне?

– Обязательно, – пообещала наша Аня.

Маленькая Аня кивнула и убежала в подъезд, крикнув на прощание:

– Я всё равно всё узнаю! Я же буду вести дневник!

– Ну и ну, – покачал головой молодой Громов, который всё это время стоял с каменным лицом. – Ваше детство... странное. У меня такого не было. Я в пять лет уже стрелял из лазерной винтовки.

– Громов, ты вообще человек? – спросил Павлик.

– Человек, – ответил лейтенант. – Но с пелёнок готовили к службе.

– Теперь понятно, почему ты таким вырос, – вздохнула бабушка. – Ладно, идём дальше.

Нам нужно найти точку разрыва.

– А где её искать? – спросил я.

– Светик говорит, – ответил Чих, – что разрывы происходят в самые важные моменты. В моменты, которые формируют личность. Наверное, нам нужно проследить всю вашу жизнь.

– Всю жизнь? – ужаснулся Павлик. – Это ж сколько времени займёт?
– У нас 24 часа, – напомнил Чих. – Так что поторапливаемся.
– Следующая остановка – юность наших родителей, – объявила кофеварка голосом (она вдруг заговорила, и все вздрогнули). – Готовьтесь.
– Ты говорить умеешь? – удивился дед.
– Всегда умела, – ответила кофеварка. – Просто молчала. Не хотела вас пугать. А теперь придётся.
– Вот это поворот, – только и сказал Громов-молодой.
Сиреневая воронка снова закружилась, и мы шагнули в следующую эпоху.

Глава 2. Родители в юности

(или Как мы чуть не помешали папе сделать предложение маме)

Эпиграф к главе:

«Вы когда-нибудь видели своих родителей молодыми, влюблёнными и счастливыми? Это одновременно умилительно и неловко. Особенно когда ты понимаешь, что если они не поцелуются именно в эту секунду, ты не родишься. И вот ты сидишь в кустах, жуёшь пирожок и мысленно кричишь: «Целуй её, дурак!» А Громов рядом ворчит: «Никакой тактики, одни эмоции». И это говорит человек, который вчера ещё был старым ворчуном.»

– Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

Воронка выплюнула нас в парке. Судя по одежде прохожих и отсутствию порталов в небе, это были восьмидесятые. Играла музыка, пахло мороженым, и где-то вдалеке играл духовой оркестр.

– Красиво, – сказала Аня. – Мама всегда говорила, что они с папой познакомились в парке.

– И где они? – оглядывался Павлик.

– Вон там, – показал Светик, светясь в сторону скамейки.

На скамейке сидели двое. Молодой человек в смешной рубашке и с усами, которые сейчас никто не носит, и девушка с длинными волосами, в лёгком платье. Они смущённо смотрели друг на друга и молчали.

– Это папа? – удивился Павлик. – С усами?

– Мода была такая, – вздохнула Аня. – Мама говорила, что он тогда ужасно ей нравился.

– А чего они молчат? – спросил я.

– Стесняются, – ответила бабушка. – Я тоже стеснялась, когда ваш дед за мной ухаживал. Правда, он тогда не молчал, а что-то чинил. Всё время что-то чинил.

– Смотрите! – прошептал Павлик. – Папа руку тянет!

Действительно, молодой папа осторожно протянул руку и положил её на плечо маме. Мама вздрогнула, покраснела и...

И в этот момент рядом с ними появился странный прозрачный силуэт. Он был похож на человека, но какой-то размытый, нечёткий. Он протянул руку к плечу папы, словно хотел отдернуть её.

– Это он! – воскликнул Светик. – Корректор! Тот, кто меняет время!

– Что он делает? – закричала Аня.

– Хочет помешать им! Если они не будут вместе, вы не родитесь!

– Нет! – заорал Павлик и бросился вперёд.

– Павлик, стой! – закричал я, но было поздно.

Павлик выбежал на аллею, размахивая балалайкой, и заорал:

– Папа, целуй её! Не слушай никого! Целуй, пока не поздно!

Молодые люди обернулись и уставились на странного парня с балалайкой. Папа отдернул руку.

– Ты кто? – спросил он.

– Я... я это... – замялся Павлик. – Я из будущего. Ваш сын. Если вы не поцелуетесь, я не рожусь!

Мама покраснела ещё сильнее и закрыла лицо руками. Папа встал и решительно направился к Павлику.

– Сын, говоришь? – спросил он. – А докажи.

– Что доказать? – растерялся Павлик.

– Что ты наш сын. Какую песню мама пела мне, когда мы впервые встретились?

Павлик задумался. Потом его лицо просияло:

– «Ой, цветёт калина в поле у ручья»!

Мама подняла голову и удивлённо посмотрела на Павлика.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она. – Я её только вчера придумала.

– Потому что ты мне её в детстве пела, – улыбнулся Павлик. – Каждый вечер перед сном.

Корректор, видя, что его план провалился, растворился в воздухе.

Папа посмотрел на маму, потом на Павлика, потом снова на маму.

– Значит, у нас будет сын? – спросил он.

– Не один, – улыбнулась Аня, выходя из кустов. – Нас трое. Я Аня, а это Майк, старший.

– Трое? – папа схватился за голову. – И все такие... странные?

– Мы Светловы, – гордо сказал я. – Это у нас семейное.

Мама встала, подошла к нам и обняла каждого. От неё пахло теми самыми пирожками, которые мы так любили.

– Я всегда знала, что у меня будут замечательные дети, – сказала она. – Даже не представляла, что настолько.

– Мам, нам пора, – сказал я. – У нас мало времени. Но мы вас очень любим.

– И мы вас, – ответил папа. – Даже не знакомы, а уже любим.

Мы попрощались и отошли за кусты. Корректор исчез, но Светик чувствовал, что это только начало.

– Дальше, – сказал он. – Следующая остановка.

Продолжение следует...

ПРОДОЛЖИТЬ. Важно увеличить объем каждой главы книги. иначе не интересно. Больше объема, больше трагедии, больше юмора, больше диалогов, больше сцен героем Светлый Майк и с его семьей, плавные переходы между событиями, Добавить эпиграф к главе и напряжённым сюжетом

Глава 3. Свадьба под угрозой

(или Как мы чуть не лишились собственного существования из-за одной неправильной ноты)

Эпиграф к главе:

«Говорят, что браки заключаются на небесах. А наш родительский брак едва не развалился на земле из-за Корректора времени, которому почему-то не нравилась наша семья. Мы уже спасли папино предложение, но впереди была свадьба – событие, где эмоции зашкаливают, а гости напиваются так, что готовы поверить во что угодно. Даже в путешественников во времени, которые пришли убедиться, что их будущее ещё существует.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.